

Льюис Синклер

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МОСКОВСКИХ
ОТДЕЛ РАБОТНЫХ ВЫПЕЧЕЙ
73. Кирова, 28/6. Тел. 96-69
Выпускает на работу Советская Индустрия
4-5 АВГ 37
Москва Газета М.

Обвинительное слово Синклера Льюиса

На премьере своей пьесы «У нас это невозможно», поставленной в нью-йоркском «Адельфи-театре», Синклер Льюис, выступая перед зрителями, сказал: «В девять часов вечера начнется моя обвинительная речь против фашизма».

Синклер Льюис — писатель-реалист. Он прекрасно знает тех людей, которых описывает в своих произведениях. Не случайно его «Мистер Бэббит» стал нарицательным именем, а главная улица, описанная в этом романе, — синонимом глухой, мешанской американской провинции. И несомненно нарицательными станут имена героев, выведенных Синклером Льюисом в его последнем произведении — в пьесе «У нас это невозможно» и в одноименном романе, по которому он написал эту пьесу.

Это относится и к миссис Аделаид Тарр-Гимм, во время мировой войны решившей послать каждому солдату на фронт канарейку в клетке, чтобы скрасить одиночество безымянных героев.

Это относится и к бригадному генералу Эджвуду, приветствующему избивание студентов, ибо он «против всякого пацифизма». Это относится и к Бэзу Уиндрипу, прототипу авантюристского сенатора Лонга. И это в первую очередь относится к Дормэсу Джессепу, который войдет в литературу, как тип американского либерала, воспитанного на традициях «великой и свободной Америки» и после глубоких переживаний идущему к

борьбе в рядах пролетариата против американских фашистов, против варваров, разрушителей культуры.

В стране идет уже бешеная агитация за избрание в президенты фашиста Уиндрипа, уже нависла угроза варварского разгула, а Дормэс Джессеп готов согласиться со старым фабрикантом Тэбброу или со своим зятем Фаулером Гринхиллом, что «здесь у нас это невозможно». Он понимает, что лечить беды своего общества бедями фашизма нерационально: «Страшная терапия! Я слышал о лечении сифилиса прививкой малярии, но я никогда не слышал, чтобы малярию лечили прививками сифилиса!».

Синклер Льюис прекрасно и убедительно объясняет все те противоречия, которые вызывают колебания Дормэса. Это — человек, который «не столько сокрушается о рабочем классе, сколько презирает эксплуататоров, человек, в котором всякое проявление жестокости и презрения счастливого к несчастному рождало не только отвращение, но и горячую ненависть».

В 1920 году Дормэс выступал за признание России, и тогда его считали коммунистом, хотя «он был так же далек от большевиков, как Герберт Гувер». Дормэс — редактор газеты в небольшом американском городке, он пинет передовые, полные остроумия и трезвости, он готов клеймить в своих статьях пороки, развращающие жизнь американского обывателя, но в минуты больших потрясений он как будто предпочитает укрыться в своем

кабинете среди своих любимых книг, со своей любимой собакой Фулишем. И сейчас, когда перед ним встал призрак будущего фашистского президента, его возмущение быстро иссякает: «Щебетание птичек и присутствие преданного Фулиша успокаивают Дормэса; ему теперь казались неважными и военные обучения, и рыдающие политики, и, успокоенный, он заснул в своем протертом кресле».

Синклер Льюис показывает, как этот человек расстается со своей нерешительностью, обретает активность и становится в ряды антифашистских борцов. Синклер рисует тяжелый и извилистый путь своего героя, вспышки гнева и возмущения сменяются примирением; примирение в нем самом вызывает отвращение. И когда фашисты выгоняют его из редакции, в которой он провел десятки лет, когда они убивают его зятя, когда они сжигают на кострах лучшие книги, тогда Дормэс находит в себе решимость, чтобы стать членом организации «Новое подполье» и вести активную работу против фашизма.

И тогда его решимость уже не могут сломить ни пытки, ни тюрьма. В тюрьме он с гордостью говорит соседу по камере, рабочему Майку: «Никогда я не смог бы так храбро сносить побои, как вы — рабочая кость. Меня каждый раз трясет от страха. И все-таки я ничего не сказал. Я никого не выдал. Даже, когда мне пальцы прижимали. Никого». И когда ему удается бежать из тюрьмы в Канаду, он находит в себе силы, чтобы вернуться оттуда в США, чтобы продол-

жать подпольную работу в антифашистской организации.

Синклер Льюис написал роман-фантазию, он рисует события, которые могут совершиться, если те, кому дороги интересы народа, не поднимутся на решительную борьбу против наглого фашизма. Но роман этот чрезвычайно реалистичен, предвидение Синклера Льюиса основано на горьком и тяжелом опыте итальянского и германского народа, на тонком и точном знании людей его родины, на чутком понимании психологии сегодняшнего американского интеллигента. Дормэс Джессеп живой человек — Синклер прекрасно знает психологию современного американского интеллигента, и, пожалуй, в этом герое его романа отразились некоторые черты самого автора.

«Пятнадцать тезисов победы», опубликованные как программные тезисы Уиндрипом, — это вся античеловеческая программа фашизма, с его ложью, с его средневековыми принципами, с его расовой ненавистью, с его варварской антикультурностью. И точно так же, как Уиндрип, живыми встанут все его сподвижники — и Шэд, и Суон, и безымянные «минутные молодчики».

В романе отразилась та ошибочность взглядов Синклера, которыми он частично наделил своего героя Дормэса Джессепа. Синклер Льюис создает реальность фашистской угрозы и необходимость борьбы против нее, но он не понимает, что единственной реальной силой, которая может возглавить и обеспечить победу в этой борьбе, является рабочий класс и коммунистическая партия. Дормэс Джессеп завидует боевой закалке рабочего Майка. Но он боится коммунизма, он боится, что «его убеждения будут регулировать крестьяне в форменной одежде».

Он приходит к выводу, что во всех тех бедствиях, которые переживает американский народ, виноват, в пер-

вую очередь, он, Дормэс Джессеп — «все добродетельные и уважаемые и тяжелые на подъем Дормэсы Джессепы, которые не оказывали достаточного сопротивления этим демагогам». Но когда он после ареста встречается с рабочим Карлом Паскалем и тот предлагает ему присоединиться к коммунистам, Дормэс отвечает: «Верю, что пролетарии — очень благородные ребята, но полагаю вместе с тем, что интересы средней интеллигенции и пролетариата отнюдь не одни и те же. Они хотят хлеба. Мы же хотим... что ж, я не отрицаю! — мы хотим пирожного. А когда ваш пролетарий подымется настолько, что тоже захочет пирожного — пролетарий в два счета становится средним интеллигентом». Это ошибка Дормэса Джессепа. Это ошибка Синклера Льюиса.

Правда, Синклер Льюис вкладывает в уста Карла Паскаля следующие слова: «Откровенно говоря, мистер Джессеп, вы несете ужасный вздор и вы сами это знаете». Это дает право надеяться, что в следующих произведениях Синклера Льюиса мы услышим новые признания, которые теснее свяжут его с антифашистской борьбой народного фронта всего мира. Но надо прямо сказать, и при некоторых слабостях последнее произведение Синклера Льюиса является суровым и резким обвинением мировому фашизму, решительным и грозным предостережением американской и всей мировой интеллигенции.

Пьеса Синклера Льюиса несколько отличается от его романа. В романе более четко выписана во всех деталях фигура Дормэса Джессепа. Роман насыщенный той глубокой и саркастической иронией, которая отличает произведения этого талантливого писателя. В романе более полно представлены семья и окружение Дормэса. В первую очередь приходится жалеть об отсутствии первой сатирической сцены романа — заседании Ротерианского клуба; приходится жалеть и об отсутствии в пьесе дочери Дормэса — Сисси и сына Филиппа. Это — яркие

фигуры представителей современной американской интеллигенции.

Но пьеса имеет и ряд преимуществ перед романом. В ней Синклер Льюис учел требования сцены и сумел создать ряд положений, полных подлинного драматизма. Это относится к сцене убийства Кларенса, к эпизоду в редакции, когда фашисты садятся на место Дормэса, и, в первую очередь, к сцене в тюрьме. Введя эпизод с Кларенсом, Синклер Льюис в пьесе гораздо выразительнее, чем в романе показал трагедию и смерть Фаулера Гринхилла.

Пьеса Синклера Льюиса с успехом прошла в десятках театров Америки и Европы. Буржуазная печать встретила ее враждебно и в лучшем случае холодно. Буржуазный журнал «Варьете» писал: «Если рассматривать ее, как последнюю работу автора, заслужившего своими трудами нобелевскую премию, — пьеса плохая». Но и этот журнал должен был признать, что это самая популярная постановка сезона. Рабочий зритель принял пьесу восторженно, ибо она говорит ему о сегодняшних проблемах, о насущнейших вопросах его существования, его жизни.

Роман Синклера Льюиса напечатан в журнале «Интернациональная литература» и вышел отдельным массовым изданием. Но советский зритель еще не знает его пьесы. Наши театры, а также и Комитет по делам искусств не интересуются антифашистскими пьесами, которые написаны за последние годы в Америке и Европе. Этих пьес десятки, и советский зритель должен с ними ознакомиться. Может быть, в первую очередь этого заслуживает пьеса Синклера Льюиса.

Советский режиссер, используя одноименный роман, сумеет активизировать действие пьесы, устранить то, что в ней есть ошибочного, подчеркнуть ее основную идею и создать спектакль, который познакомит советского зрителя с процессами, происходящими в сознании и жизни американского народа.

М. СЕМЕНОВ